

Глава 5

Сяо Пиннань, стиснув зубы, снова достал телефон и, словно не веря в собственное невезение, набрал номер ещё раз. В трубке по-прежнему раздавались лишь монотонные гудки, а затем всё тот же приторно-вежливый голос автоответчика: «Аппарат вызываемого абонента...»

С его груди вырвался тяжёлый вздох, и Пиннань резко нажал отбой.

Он направился напрямик к дому Чэнь Юаньцина. Оказавшись в тёмном, пропахшем сыростью подъезде, он принялся с силой колотить в дверь. Внутри царила гробовая тишина, зато соседи не заставили себя ждать. Не прошло и минуты, как дверь напротив распахнулась. На пороге показался мужчина средних лет в одной майке-алкоголичке и с крайне недобрым выражением лица.

— Совсем сдурел?! — рявкнул он на весь подъезд. — Посреди ночи людям спать не даёшь! Какого чёрта ты тут разошёлся?

Сяо Пиннань мгновенно прекратил стук. Уходить ни с чем ему не хотелось — три тысячи юаней, выброшенные на ветер, жгли карман сильнее любой обиды. Сбавив тон, он заискивающе спросил:

— Уважаемый, не подскажите, хозяин этой квартиры сегодня возвращался?

— Понятия не имею! — мужчина вскинул брови. — А ну проваливай отсюда, пока я тебе кости не пересчитал!

Дверь захлопнулась с оглушительным грохотом. Пиннань замер у порога, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь дверную щель, но внутри было темно, хоть глаз выколи.

Юаньцин всё ещё не вернулся? Куда он мог деться?

Внезапно снизу донёсся шум подъезжающего автомобиля. Оранжевый свет фар на мгновение мазнул по облупившейся краске стен. Пиннань тут же выпрямился и прильнул к окну на лестничной клетке.

У входа замер новенький «Майбах». Ду Юньтин сидел в салоне, всё ещё пребывая в глубоком шоке от услышанного «зиви меня дядей». Его душа словно покинула тело, а мысли разлетелись в разные стороны; всё, что мужчина говорил после этого, пролетало мимо ушей.

«Разве так бывает?!»

Трус Ду окончательно распрощался со своими мечтами.

«Разве система не говорила, что создала его специально для меня? И что в итоге? Создала его, чтобы он стал моим старшим родственником? Видеть и не иметь возможности прикоснуться... это же в тысячу раз хуже, чем вообще его не встретить!»

Гу Ли лично довёз его до дома. Заметив, что взгляд юноши по-прежнему блуждает где-то в пространстве, он не стал его окликать. Откинувшись на спинку сиденья, мужчина достал сигарету, приоткрыл дверцу и выпустил тонкую струю сероватого дыма. Когда Юньтин наконец пришёл в себя, он увидел лишь крошечный огонёк, мерцающий в длинных пальцах Гу Ли. Свет в салоне уже погас, а тусклая лампочка над подъездом едва разгоняла мрак — в этой темноте сигарета казалась единственным живым источником света.

Ду Юньтин, сам того не осознавая, заворуженно уставился на тлеющий огонёк, словно зачарованный.

Гу Ли перехватил его взгляд и небрежно стряхнул пепел:

— Хочешь научиться?

— ...Хочу.

Гу Ли выудил из пачки тонкую сигарету и протянул её юноше. На самом деле Юньтин умел курить, но когда табак предлагал сам господин Гу, это меняло дело. Его сердце предательски забилось быстрее; засмотревшись на мужчину, он слишком сильно затянулся и тут же зашёлся в надрывном кашле. Глаза мгновенно увлажнились от выступивших слёз.

Гу Ли внимательно наблюдал за ним. Кожа его племянника была очень белой, и сейчас, когда тот, согнувшись, кашлял до покраснения лица, он выглядел на редкость жалко и в то же время трогательно. Из широкого ворота рубашки показалась тонкая белая шея с чётко очерченными позвонками, которые подрагивали при каждом вздохе.

Ду Юньтин и представить не мог, что так позорно провалится в простом деле. Кашляя до хрипоты, он не смел даже поднять глаз на мужчину.

— Всё ещё хочешь учиться? — ровным голосом спросил Гу Ли.

— Хочу! — Юноша наконец отдышался. Он бережно прижал к себе подаренную сигарету, хотя взгляд его был прикован к той, что ещё мгновение назад сжимал в губах Гу Ли.

Он набрался смелости, замялся, но в последний момент его решимость дала крен.

— Можно мне забрать твою... то есть, мою сигарету с собой? — тихо спросил он.

Гу Ли едва заметно вскинул бровь. Трус Ду мгновенно считал этот жест, и кончики его ушей окрасились в нежно-пурпурный цвет. Помявшись ещё немного, он наконец выдал из себя едва слышное:

— ...Дядя?

Голос прозвучал настолько мягко и нежно, словно свежий соевый творог, который рассыпается от малейшего прикосновения.

Гу Ли удовлетворённо кивнул.

Выговорив это обращение, Юньтин растерял остатки храбрости.

— Тогда... тогда я пойду.

Щёлкнул замок, и Ду Юньтин, открыв дверцу, нехотя выбрался наружу. Он не стал сразу подниматься к себе, а замер на месте, провожая взглядом «Майбах», пока тот не скрылся за поворотом.

Юноша вытянул шею, глядя вслед растворяющимся в ночи выхлопным газам, и молча облизнулся. На душе было донельзя паршиво.

Он издал протяжный, полный тоски вздох.

«Двадцать восемь»

Система 7777 уже даже не пыталась его поправлять.

«Это всё из-за тебя» — пробормотал Второй молодой господин Ду.

7777 хранила невинное молчание. Ду Юньтин помолчал немного, но всё же не выдержал:

«Если бы он внезапно не стал моим дядей, разве я позволил бы ему так просто уехать?»

Система изумленно замерла. Неужели у этого труса хватило бы духу пойти наперекор такому мужчине?

«Разумеется! — Ду Юньтин отчеканил каждое слово. — Да я бы скорее сдох, чем отпустил его! Вцепился бы в его машину мёртвой хваткой и испустил дух прямо на его кровати!»

[.....]

«Эх... — Юноша продолжал сокрушаться, поднимаясь по лестнице. — Такую сделку на двести миллионов загубили...»

И всё из-за одного-единственного слова «дядя».

«Двадцать восемь, в следующей жизни ты точно облысеешь. Ты настоящий Фахай, только в сто раз коварнее. Тот хотя бы просто разлучал влюбленных, а ты превращаешь их в родственников!»

Поднявшись на свой этаж, он заметил в тени у двери тёмный силуэт. Тень тут же двинулась ему навстречу. Ду Юньтин, будучи не в духе, лишь раздражённо махнул рукой:

— Прочь, прочь! Даже если ты призрак, проваливай. Дай мне хоть минуту покоя.

— Какой ещё призрак? — голос из темноты прозвучал резко и грубо. — Где ты был?

Не дождавшись ответа, тень сделала ещё два шага вперёд.

— Отвечай мне! Счёт в ресторане не оплачен, а ты исчез в неизвестном направлении! Я жду объяснений!

Сяо Пиннань мёртвой хваткой вцепился в запястье Ду Юньтина. Он не рассчитал силу, и юноша поморщился от боли. Терпение его лопнуло, и он с силой хлопнул Пиннаня по руке:

— Ты что творишь?

Сяо Пиннань никак не ожидал, что Чэнь Юаньцин посмеет поднять на него руку. Он процедил сквозь зубы, едва сдерживая ярость:

— Кто этот мужчина? Твой новый любовник?

Ду Юньтин понуро опустил плечи и снова тяжело вздохнул.

— Если бы...

Сяо Пиннань лишь ошарашенно уставился на него, не зная, что и сказать.

— К сожалению, не выйдет, — Трус Ду едва не плакал. — Ничего не выйдет!

«Боги, за что мне это всё?!»

Сяо Пиннань не понимал, о чём тот бормочет, но сцена, которую он наблюдал из окна — как Юаньцин замороженно провожает взглядом уезжающую машину — до сих пор стояла у него перед глазами. Эта картина вызвала у Пиннаня жгучее чувство дискомфорта. Он привык быть господином в отношениях, привык манипулировать и обманывать, но не мог допустить, чтобы кто-то другой имел влияние на его «добычу». Ему казалось, что вся его тщательно выстроенная мужская харизма рушится, превращая его обратно в того самого деревенщину, которым он был когда-то.

Он мгновенно сорвался на крик:

— Я с тобой разговариваю, чёрт возьми! Ты меня слышишь?! Во что ты превратился?!

Ду Юньтину было не до него. Он просто оттолкнул Пиннаня с дороги, резко провернул ключ в замке и с похоронным видом скрылся в квартире. Сяо Пиннань ещё долго стоял в коридоре, глядя на закрытую дверь, пока ярость в его груди не начала переливаться через край.

— Чэнь Юаньцин! Объяснись немедленно! Ты...

— Да дадите вы людям поспать или нет?! Конца-краю этому не будет?!

— Ещё раз услышу крики — спущу с лестницы!

«...»

В коридоре снова воцарилась тишина. Сяо Пиннань, снедаемый яростью, простоял под дверью ещё полчаса. Он не смел больше стучать, а лишь сверлил дверь ненавидящим взглядом. Ночной ветер, свистевший в разбитых окнах старого подъезда, пробирал до костей, и у него начала кружиться голова.

Он ушёл лишь на рассвете, и вид у него был такой, словно ему нанесли смертельное оскорбление.

Ду Юньтину было плевать. Всю ночь ему снился господин Гу. 7777 слышала, как он несколько раз вскрикивал во сне, и утром поинтересовалась, что случилось.

Ду Юньтин помолчал, а затем выдал:

«Мне приснилось, что господин Гу уже готов был показать мне свою "большую сделку"... Он расстегнул ширинку и вытащил оттуда... результаты ДНК-экспертизы, подтверждающие наше родство с моей матерью...»

Такая психологическая травма останется на всю жизнь.

[.....]

Днём в дверь его квартиры постучали другие гости.

На пороге стояла пара. Женщина была удивительно похожа на Чэнь Юаньцина: те же тонкие черты лица, ясные глаза и какой-то неуловимо юный, чистый вид. Стоило Ду Юньтину открыть дверь, как сердце его ёкнуло от предчувствия. И действительно, едва женщина увидела его, как разрыдалась и мёртвой хваткой прижала его к себе.

Мужчина рядом с ней выглядел суровым и сдержанным, но и его глаза покраснели. Ду Юньтин, внезапно оказавшийся в центре слезливой мелодрамы, вжился в роль безупречно. Как выразилась 7777, он проявил всё мастерство истинного актёра: его глаза повлажнели, а лицо выражало ту самую смесь шока и подавленной радости, которую должен был испытывать настоящий Чэнь Юаньцин.

Женщина не выпускала его рук, умоляя вернуться с ними домой. Ду Юньтин и сам был не прочь уехать, но понимал, что дела с Сяо Пиннанем ещё не закончены, и сейчас не лучший момент для переезда.

Он покачал головой:

— Мне и здесь неплохо живётся.

— Да как же здесь может быть хорошо? — Мать Чэнь снова залилась слезами. — Разве можно жить в таком доме, в таком районе?

Её драгоценный сын не должен был прозябать в такой дыре!

Отец Чэнь, будучи более рассудительным, вмешался:

— Он прожил здесь долгое время. В особняке много людей, если он переедет прямо сейчас, ему будет трудно привыкнуть. Нужно действовать постепенно.

Женщина продолжала плакать, но внезапно её лицо просветлело.

— Хорошо, если не хочешь к нам, — сказала она, — может, ты пока поживёшь у своего дяди? Он живёт один, дом у него просторный, там тебя никто не потревожит.

Она с надеждой заглянула в глаза сыну, словно моля о согласии.

— Пожалуйста, милый. Ну же?

Внутренний человечек Труса Ду готов был пуститься в пляс и исполнить победный пируэт.

«О да!»

«Конечно, это просто идеальный план!»

Глаза Ду Юньтина подозрительно заблестели, и он с нескрываемым чувством произнёс:

— Мама!

«Вы просто моя спасительница!»

Примечание автора

Муки Труса

«Должен ли я, следуя личности Чэнь Юаньцина, называть её мамой... Или, следуя за господином Гу, называть её сестрой?»

<http://bllate.org/book/15364/1372869>